

КЊИЖЕВНА ИСТОРИЈА

Часопис за науку о књижевности

Historia Literaria
Historia Literacka
Storia letteraria
История литературы
Histoire littéraire
Literary history
Literaturgeschichte

У наредним бројевима:

ДИГИТАЛНА ХУМАНИСТИКА

СИБЕ МИЛИЧИЋ

СРПСКО-МАЂАРСКА КУЛТУРНА
И КЊИЖЕВНА ПРОЖИМАЊА

ФОЛКЛОРИСТИКА ДАНАС

КЊИЖЕВНА ИСТОРИЈА

СРПСКА КЊИЖЕВНОСТ У БиХ (II):

Милош Ковачевич Рассказы Братича с басенной аллегорией в качестве доминанты

Саша Д. Кнежевић Скрајнути пјесници изгубљеног града

Татјана Бијелић Успостављање равнотеже: матрифокалне теме у поезији Т. Ступар Трифуновић и А. Чворовић

ПАЦИФИЗАМ И КЊИЖЕВНОСТ:

Heinz Hillmann Kriegslryik und friedensphilosophie in Deutschland

Peter Hühn The First World War and Forms of Pacifism in Great Britain

Robert Nodel Krleža i Nastasijević: dva glasa protiv rata

РОЛАН БАРТ, ДАНАС (II):

Јован Попов Тиха идеологија језика: полемика око француске нове критике пола века касније

Драгана Вукићевић Фигуре љубавног говора – на Бартовом трагу

ФИЛМ И КЊИЖЕВНОСТ:

Драган Бошковић Грађанска култура, нарација, филм, модернизам, жеља: Андрић и Мир Јам

Ивана Раловић Трансмедијалне сеобе Исаковича: Петровићев дијалог с Црњанским

Марија Лојаница Фигурације хуманог и постхуманог идентитета у роману Б. Пекића 1999 и филму Ридлија Скота *Истребљивач*

СТУДИЈЕ, ОГЛЕДИ, ПРИЛОЗИ:

Бојан Чолак Рукописи Алексе Шантића у Националној и свеучилишној књижници у Загребу

Nadia Caprioglio Тэффи. невыплаканные слезы

Милена Владић Јованов Нови авангардно/модерни књижевни облик у делима Т.С. Елиота, Е. Паунда и В. Мајаковског

Pzemyslaw Strozek The New Spirit and the New Body

Biļjana S. Tešanović L'histoire littéraire en marche

ISSN 0350-6428

9 770350 642007

КЊИЖЕВНА ИСТОРИЈА

Часопис за науку о књижевности

УРЕДНИШТВО

Бојан Јовић

главни и одговорни уредник
(Институт за књижевност и
уметност, Београд)

Андрей Николаевич Власов

(Институт русской
литературы РАН, Санкт Петербург)

Francisco Javier Juez Galvez

(Facultet di Filologia, Madrid)

Наташа Ковачевић

(Eastern Michigan University, Ypsilanti)

Сања Мацура

(Филолошки факултет, Бања Лука)

Игор Перишић

(Институт за књижевност
и уметност, Београд)

Данијела Петковић

(Институт за књижевност
и уметност, Београд)

Robert Hodel

(Universität Hamburg)

Марко Аврамовић, секретар

(Институт за књижевност
и уметност, Београд)

Бојан Ђорђевић

заменик главног и
одговорног уредника
(Филолошки факултет,
Београд)

Љиљана Бањанин

(Università di Torino)

Magdalena Koch

(Uniwersytet A. Mickiewicza, Poznan)

Весна Елез

(Филолошки факултет, Београд)

Снежана Милосављевић Милић

(Филозофски факултет, Ниш)

Дуња Душанић

(Филолошки факултет, Београд)

Слађана Јаћимовић

(Учитељски факултет,
Београд)

Марјана Ђукић

(Универзитет Црне Горе)

КЊИЖЕВНА ИСТОРИЈА излази три пута годишње. Издаје ИНСТИТУТ ЗА КЊИЖЕВНОСТ И УМЕТНОСТ, Београд. Уредништво и администрација: Краља Милана 2, тел. 2686–036, sekretar@knjizevnaistorija.rs. Издавање овог броја часописа финансира Министарство просвете, науке и технолошког развоја Републике Србије. Штампана и повезана: Чигоја штампа. Београд. За издавача: Бојан Јовић. Ликовно решење: Соња Павловић. Прелом и припрема: Лариса Малић. Тираж: 300 примерака.

КЊИЖЕВНА ИСТОРИЈА

XLIX 2017 162

Часопис за науку о књижевности

ЧИТАЊЕ ТРАДИЦИЈЕ:

Српска књижевност у БиХ (II) (Приредила Сања Мацура)

Милош Ковачевич, Раскази Братича с басеном аллегорией в качестве доминанты (9–25)

Саша Д. Кнежевић, Скрајнути пјесници изгубљеног града (27–35)

Татјана Бијелић, Успостављање равнотеже: матрифокалне теме у поезији Тање Ступар Трифуновић и Александре Чворовић (37–54)

НАСЛЕЂЕ МОДЕРНИЗМА:

Пацифизам и књижевност (Приредио Роберт Ходел)

Heinz Hillmann, Kriegslryrik und friedensphilosophie in Deutschland (59–86)

Peter Hühn, The First World War and Forms of Pacifism in Great Britain (87–116)

Robert Hodel, Krleža i Nastasijević: dva glasa protiv rata (117–141)

ВИЂЕЊА:

Ролан Барџи, данас (II) (приредила Весна Елез)

Јован Попов, Тиха идеологија језика: полемика око француске нове критике пола века касније (145–178)

Драгана Вукићевић, Фигуре љубавног говора – на Бартовом трагу (180–193)

ПРЕПЛИТАЊА:

Филм и књижевност

Драган Бошковић, Грађанска култура, наратија, филм, модернизам, жеља: Андрић и Мир Јам (197–209)

Ивана Раловић, Трансмедијалне сеобе Исаковича: Петровићев дијалог с Црњанским (211–237)

Марија Лојаница, „Тркач по оштрици бријача“: Фигурације хуманог и пост-хуманог идентитета у роману Борислава Пекића 1999 и филму Ридлија Скота *Исиребљивач* (239–256)

СТУДИЈЕ, ОГЛЕДИ, ПРИЛОЗИ:

Бојан Чолак, Рукописи Алексе Шантића у Националној и свеучилишној књижници у Загребу (259–279)

Nadia Caprioglio, Тэффи. невыплаканные слезы (281–294)

Милена Владић Јованов, Нови авангардно/модерни књижевни облик у делима Т.С. Елиота, Е. Паунда и В. Мајаковског (295–319)

Pzemyślak Strozek, The New Spirit and the New Body. Deliberations on Sport and Art in French, Polish, and Czech Avant-garde Magazines 1920-1924 (321–334)

Biljana S. Tešanović, L'histoire littéraire en marche : La réception de *Meursault, contre-enquête* de Kamel Daoud (335–351)

ОЦЕНЕ, ПРИКАЗИ, БЕЛЕШКЕ:

Татјана Вујновић, *Врљај лесковку узни дреновку* (Драгољуб Златковић, *Песме за децу и дечије песме из Тимока, Зајлавка и Буџака*, Зајечар – Минићево: Народни музеј Зајечар, Завичајно друштво Тимочана-Торлака, 2017, стр. 144; *Тейка чува њејка: Песме за децу и дечије песме из Тимока, Зајлавка и Буџака*, Зајечар – Минићево: Народни музеј Зајечар, Завичајно друштво Тимочана-Торлака, 2017, 148 стр.) (355–358)

Јелена Марићевић, Платно српске дидактичке поезије од барока до романтизма (Александра Павловић, *Пелен и мед. Српска дидактичка поезија од барока до романтизма*, Академска књига, Нови Сад 2017, 404 стр.) (359–363)

Срђан Вучинић, У вировима Лете и Мнемозине (Снежана Калинић, *Сећање и заборав у Бекетовим драмама*, Филолошки факултет Универзитета у Београду, Београд 2016, 392 стр.) (365–367)

Јана Алексић, Аналитичко ослобађање песме (Радивоје Микић, *Из неизречја у реч*, Народна библиотека „Стефан Првовенчани“, Краљево 2016, 267 стр.) (369–374)

Милан Д. Вурдеља, Приче храњене душом (Јасмина Ахметагић, *Проза душе*, Досије студио, Београд 2016, 201 стр.) (375–382)

Међународни научни скуп *Савремена српска фолклористика V* (Научни скуп *Савремена српска фолклористика V*, Удружење фолклориста Србије, Богословија Светог Кирила и Методија у Призрену, Универзитет у Приштини са Привременим седиштем у Косовској Митровици, 12. и 13. октобар 2017, Призрен – Велика Хоча) (383-384)

Бодлеров јубилеј у Паризу (Поводом сто педесет година од Бодлерове смрти и сто шездесет година од првог издања *Цвећа зла*, 11–13. септембра 2017, Париз) (385–386)

LITERARY HISTORY No. 162

Journal of literary studies

READINGS OF TRADITION:*Serbian Literature in Bosnia and Herzegovina* (II) (Ed. by Sanja Macura)**Miloš Kovačević**, Bratić's Stories with the Fable Allegory as the Dominant (9–25)**Saša D. Knežević**, The Neglected Poets of the Lost City (27–35)**Tatjana Bijelić**, Striking a Balance: Matrifocal Themes in the Poetry of Tanja Stupar Trifunović and Aleksandra Čvorović (37–54)**THE HERITAGE OF MODERNISM:***Pacifism and Literature* (Ed. by Robert Hodel)**Heinz Hillmann**, War Poetry and Peace Philosophy in Germany (59–86)**Peter Hühn**, The First World War and Forms of Pacifism in Great Britain (87–116)**Robert Hodel**, Krleža and Nastasijević: Two Voices Against the War (117–141)**VIEWS:***Roland Barthes, Today* (II) (Ed. by Vesna Elez)**Jovan Popov**, The Silent Ideology of Language: The Controversy Surrounding the French New Criticism Half a Century Later (145–178)**Dragana Vukićević**, The Figures of Lover's Discourse – Following Barthes' Path (180–193)**INTERTWININGS:***Film and Literature***Dragan Bošković**, The Bourgeois Culture, Narration, Film, Modernism, Desire: Andrić and Mir Jam (197–209)**Ivana Ralović**, Transmedia Migrations of the Isakovichs: Petrović's Dialogue with Crnjanski (211–237)**Marija Lojanica**, "Runner on the Razor Blade": Figurations of the Human and Post-human Identities in Borislav Pekić's Novel *1999* and Ridley Scott's Film *Blade Runner* (239–256)**STUDIES, ESSAYS, CONTRIBUTIONS:****Bojan Čolak**, Aleksa Šantić's Manuscripts in The National and University Library in Zagreb (259–279)

Nadia Caprioglio, Teffi. Unshed tears (281–294)

Milena Vladić Jovanov, A New Avant-Garde/Modern Literary Form in the Works of T. S. Eliot, E. Pound, and V. Mayakovsky (295–319)

Pzemyslaw Strozek, The New Spirit and the New Body. Deliberations on Sport and Art in French, Polish, and Czech Avant-garde Magazines 1920-1924 (321–334)

Biljana S. Tešanović, The Literary History on the Move: The Reception of *The Meursault Investigation* by Kamel Daoud (335–351)

(CRITICAL) REVIEWS AND NOTES:

Tatjana Vujnović, *Throw the Hazelwood Take the Dogwood Stick* (Dragoljub Zlatković, *Pesme za decu i dečije pesme iz Timoka, Zaglavka i Budžaka* [Poems for Children and Children's Poems from Timok, Zaglavak, and Budžak], Zaječar – Minićevo: Narodni muzej Zaječar, Zavičajno društvo Timočana-Torlaka, 2017, 144 pp.; *Tetka čuva petka: Pesme za decu i dečije pesme iz Timoka, Zaglavka i Budžaka* [Poems for Children and Children's Poems from Timok, Zaglavak, and Budžak], Zaječar – Minićevo: Narodni muzej Zaječar, Zavičajno društvo Timočana-Torlaka, 2017, 148 pp.) (355–358)

Jelena Marićević, The Canvas of Serbian Dydactic Poetry from Baroque to Romanticism (Aleksandra Pavlović, *Pelen i med. Srpska didaktička poezija od baroka do romantizma* [Wormwood and Honey. Serbian Dydactic Poetry from Baroque to Romanticism], Akademska knjiga, Novi Sad 2017, 404 pp.) (359–363)

Srđan Vučinić, In the Whirlpools of Lethe and Mnemosyne (Snežana Kalinić, *Sećanje i zaborav u Beckettovim dramama* [Memory and Oblivion in Beckett's Plays], Filološki fakultet Uiverziteta u Beogradu, Beograd 2016, 392 pp.) (365–367)

Jana Aleksić, Analytical Liberation of the Poem (Radivoje Mikić, *Iz neizrečja u reč* [From the Unutterable Into a Word], Narodna biblioteka „Stefan Prvovenčani“, Kraljevo 2016, 267 pp.) (369–374)

Milan D. Vurdelja, The Stories Fed on the Soul (Jasmina Ahmetagić, *Proza duše* [The Prose of the Soul], Dosije studio, Beograd 2016, 201 pp.) (375–382)

International conference *The Contemporary Serbian Folklor Studies V* (Naučni skup *Savremena srpska folkloristika V*, Udruženje folklorista Srbije, Bogoslovija Svetog Kirila i Metodija u Prizrenu, Univerzitet u Prištini sa Privremenim sedištem u Kosovskoj Mitrovici, October 12–13, 2017, Prizren – Velika Hoča) (383–384)

Baudelaire's Anniversary in Paris (On the Occasion of the Sesquicentennial of Baudelaire's Death and a 160th Anniversary of the First Edition of *Flowers of Evil*, September 11–13, 2017, Paris) (385–386)

Ключевые слова: Тэффи, Надежда Александровна Лохвицкая, русское зарубежье, русская литература эмиграции, русская диаспора в Париже, память, ностальгия, комическое.

Аннотация: Это эссе - о судьбе и творчестве русской писательницы Надежды Александровны Лохвицкой, широко известной под псевдонимом Тэффи.

К ней рано пришла литературная известность, а затем и слава. Героями ее произведений были жители Петербурга - студенты, лавочники, чиновники, купцы, аристократы. При всех различиях в характерах и в социальном происхождении, в своих персонажах Тэффи искала и находила что-то общее, что складывалось в мозаику российской жизни. Юмористические рассказы, печатавшиеся в Петербургских газетах и журналах и издававшиеся отдельными сборниками, пользовались бешеным успехом у читающей публики. Большевицкий переворот 1917 года в корне изменил судьбу молодой писательницы, которая к тому времени твердо заняла свое достойное место в первых рядах российских авторов начала двадцатого века.

Тэффи была вынуждена покинуть Родину. Поселившись в Париже, она внимательно всматривается в происходящее в среде тех жителей России, которых, как и ее, подхватила и выбросила на чужой берег волна эмиграции. Это были те же самые люди, что окружали ее на родине. Но здесь, как Робинзону Крузо на необитаемом острове, им приходится заново устраивать свою жизнь. Тэффи не только наблюдает за своими будущими героями, за их взаимоотношениями, встречами и расставаниями, борьбой с обрушившейся нищетой, душевной опустошенностью. Ведь она сама находилась в таком же положении. Тэффи не утратила свое главное качество – огромное чувство юмора. Но читатель, погружаясь в ее искрящуюся прозу, улыбаясь или взрываясь от смеха, не мог не чувствовать трагизма описываемой там жизни. Сравнение дореволюционного быта людей на родине с их существованием в изгнании - и есть главный смысл веселого, но и глубоко печального, «главного» произведения Тэффи – Городок.

«Увиденная утром струйка крови у ворот комиссариата, медленно ползущая струйка поперек тротуара перерезывает дорогу жизни навсегда. Перешагнуть через нее нельзя. Идти дальше нельзя. Можно повернуться и бежать» (Тэффи 1919: 32).

Тонкая струйка крови перед одесским комиссариатом, о которой Тэффи вспоминает в своем эссе, опубликованном в одесском журнале *Грядущий день* (одной из последних публикаций на родине), определила её эмигрантскую судьбу и, как демаркационная ли-

ния, разделила ее жизнь на две части: петербургскую и парижскую. В конце 1918 вместе с Аркадием Аверченко Тэффи уезжает из Петербурга на гастроли в Киев, не предполагая, что никогда больше не вернется в родной город. Её путь в эмиграцию - типичный для русских, не хотевших до последней минуты покинуть родину: Одесса, Крым, Константинополь и, наконец, Париж.

Тэффи покидала Россию в ореоле славы: её регулярно издающиеся отдельными сборниками рассказы имели огромный успех; её комедии и скетчи не сходили с театральных сцен; она постоянно сотрудничала в многочисленных газетах и журналах, благодаря чему была чрезвычайно популярна.¹ Как писал Марк Алданов в одной из рецензий 1923 года, ни один писатель в России не пользовался столь широкой известностью у читателей, как Тэффи (Алданов 1923: 485). Несмотря на то, что её сочинения публиковались по большей части в либеральных изданиях, её охотно читали «обе России» и даже царь Николай II, который был одним из самых горячих поклонников её таланта. В предреволюционной России Тэффи была в моде: её именем назывались духи и шоколадные конфеты, а многие награждали им своих фоксов и левреток (Цетлин 1943: 384; Одоевцева 1968: 8).

Тэффи – литературный псевдоним писательницы Надежды Александровны Лохвицкой.² Она родилась 9 мая 1872 в Петербурге в старинной дворянской семье, где «все писали: продед – мистические стихи; отец – научные труды и блестящие речи; старшая сестра Маша под псевдонимом Мирра Лохвицкая – стихи, её называли “русской Сафо”»; две другие сёстры тоже попробовали себя в литературе, правда, с гораздо меньшим успехом, чем Мирра и Надежда; пытался писать и старший брат, ставший позднее генералом» (Агеносов 1998: 370). Сама Тэффи считает свой писательский дар атавистической наследственностью (Фидлер 1911: 203). В своих автобиографических записках она вспоминает, что её первыми книгами были *Детство* и *Отрочество* Толстого и проза Пушкина; позже она увлеклась русской поэзией, начала писать сама сатирические стихи (Николаев 1997: 7). Её первая поэтическая публикация появилась в сентябре 1901 на страницах журнала *Север*: первый рассказ («День прошел») – в том

1 Основные сборники Тэффи, опубликованные в России до эмиграции: *Семь огней* (1910); *Юмористические рассказы* (1910); *Юмористические рассказы II. Человекообразные* (1911); *И стало так...* (1912); *Карусель* (1913); *Дым без огня* (1914); *Ничего подобного* (1915); *Неживой зверь* (1916); *Вчера* (1918).

2 В одном из фельетонов, опубликованных в Париже в период эмиграции, Тэффи связывает выбор псевдонима с надеждой на успех своей первой театральной постановки (*Женский вопрос*): руководствуясь суеверным соображением, будто «дуракам везёт», она взяла имя «знакомого дурака» по прозвищу Стэффи, из деликатности отбросив первую букву. Согласно общепринятой версии (которую Тэффи всегда отрицала), это имя заимствовано у Кипплинга, в одной из сказок которого есть молодая героиня по имени Тэффи (*Taffy*). В последствии, отвечая на вопрос журналиста, имеет ли её псевдоним отношение к Кипплингу, она скорее подтвердила, чем опровергла происхождение своего литературного имени (Тэффи, «Псевдоним», *Возрождение*, 20-12-1930, с. 2).

же году в журнале *Нива*. Очень скоро её фельетоны в стихах начинают появляться в журнале *Звезда* и в воскресных выпусках *Биржевых новостей*. Её стихи и короткие рассказы печатают такие периодические издания, как *Новости*, *Русь*, *Театр и искусство*, *Беседа*, *Родная нива* и многие другие. Значительная часть её стихов переводится на немецкий язык. Речь идёт в основном о конвенциональной поэзии, отражавшей дух того времени и не свободной от «общих мест модернизма» (Брюсов 1912: 151). Первый её сборник *Семь огней* (1910), богатый образами, эпитетами и приёмами, которым нельзя отказать в изяществе, несёт на себе печать влияний многих поэтов, от «Гейне до Блока, от Леконта де Лилля до Бальмонта» (Там же).

Параллельно Тэффи продолжает публиковать свои короткие рассказы, в которых больше комического, чем серьёзного. Произведения, написанные ею до революции 1905 года, отличает политическая коннотация, яркая анти-царистская направленность; многие из них печатаются в первом легальном большевистском журнале *Новая жизнь*, где сотрудничают и такие яркие представители литературной жизни, как Зинаида Гиппиус и Максим Горький.

И всё же самые значительные произведения Тэффи появляются в сатирическом петербургском журнале *Сатирикон* (позже *Новый Сатирикон*) и в московской газете *Русское слово*, с которыми писательница постоянно сотрудничает до самого их закрытия. Её вторая книга, названная *Юмористические рассказы*, выходит в 1910 году. Сборник демонстрирует остроту ума автора, его тонкую наблюдательность и в то же время мягкий, почти элегический юмор. Тэффи не столько интересуется человеческая личность, сколько сама жизнь – одна и та же изо дня в день, серая, монотонная и в силу своей будничности – трагическая. Человек на фоне такой жизни превращается в жалкое, пугливое, слабое и бесконечно несчастное существо.

Критика благосклонно приняла вторую прозаическую книгу Тэффи, сравнив её глубоко человеческие, написанные в тональности грустного юмора, миниатюры с лучшими рассказами Чехова и отметив особенности языка, свободного от метафор и эпитетов, перегруженность которыми характерна для её поэзии (Чеботаревская 1912: 255; Лернер 1914: 459). Отмечалось также «органическое единство» сборника, в котором каждый рассказ становится отдельной главой «общей человеческой комедии» (Кранихфельд 1910: 255). Что касается тонкого юмора, то в нём, по мнению критики, Тэффи превзошла таких всемирно известных писателей, как Джером Джером и Марк Твен (Немирович-Данченко 1921: 140).

Следуя чеховской традиции, Тэффи представляет в своих рассказах целую галерею персонажей – тысячи маленьких людей с их внутренним миром.³ Внимание писательницы обращено не на ми-

³ Тэффи сама признавалась, что «первое из напечатанных произведений было написано под влиянием Чехова» (Фидлер 1911: 104).

ровые события, а на «обыкновенное существование обыкновенных людей, которые в мелких жизненных стычках, в мелких томлениях и неудачах попусту теряют энергию своих сердец и сознаний» (Адамович 1952: 86).

В период между 1911 и 1918 годами Тэффи опубликовала шесть юмористических сборников, а также том “серьёзных” рассказов (*Неживой зверь*⁴).

Октябрьская революция положила конец творческой деятельности Тэффи в России. И хотя она, как и многие русские интеллигенты либерального толка, восторженно приветствовала Февральскую революцию, большевистский переворот вызвал у неё чувство растерянности, ей не удавалось найти своё место в новой, утверждавшейся в России, жизни. В некоторых рассказах, вышедших позднее в эмиграции, Тэффи вспоминает то время, начало большевизма, «голый, ободранный, обмызанный Петербург», где, казалось бы, злоба соединила всех (Тэффи 2000: т. 4, 223). В рассказе «Встречи» Тэффи описывает сцену беспричинной жестокости на улице в Петербурге, словно сошедшую со страниц Достоевского. Несчастная кляча, упавшая без сил и забитая до смерти на глазах равнодушных прохожих, превращается в символ всё более обезчеловечивающейся России. Это внушает писательнице ужас, и она принимает решение уехать.⁵ Перефразируя Георгия Адамовича, мы могли бы сказать, что Тэффи уехала из России, чтобы остаться русской в своей внутренней “тональности”, чтобы не делить жизнь на дореволюционную и послереволюционную (Адамович 1952: 91).

Таким образом, в начале 1920 года, после опасного путешествия по морю и суше, Тэффи оказывается в эмигрантском Париже.⁶ Она сразу же включается в литературную жизнь, публикуя два своих стихотворения в февральском номере журнала *Грядущая Россия* - первом журнале русской эмиграции во Франции.⁷ Наибольший резонанс вызвала появившаяся несколько недель спустя публикация в первом номере ежедневной русской газеты *Последние новости*. Речь идёт о фельтоне «Ке фер?», без сомнения, самом известном фельтоне Тэффи. Он начинается с анекдота, построенного на лингвистической игре французского и русского языков: русский генерал при-

4 В эмиграции этот сборник был выпущен под названием *Тихая заводь* (Париж, 1921).

5 Парижская подруга Тэффи, В. Васютинская-Маркадэ, рассказывает про её любовь к Достоевскому: «Надежда Александровна уморительно читала отрывки из *Братьев Карамазовых*, *Чужой жены и мужа под кроватью*, *Села Степанчикова*... Хотя её любимый роман всегда был – *Идиот*» (Васютинская – Маркадэ 1962: 91-92).

6 Тэффи подробно описывает своё прощание с родиной в книге *Воспоминания* (Париж, 1932).

7 «Корабль» и «Проклятье», *Грядущая Россия* 2, 1920, с. 71 (оба переизд. в сборнике *Passiflora*, Берлин, 1923).

ехал в Париж, стал у обелиска на площади Согласия, внимательно поглядел вокруг, вздохнул, развел руками и растерянно сказал: «Всё это хорошо... очень даже хорошо... но ке фер? Фер-то ке!».⁸ Всё прекрасно в этом замечательном городе, но что делать, как жить среди этой красоты без работы, без денег, без надежды на будущее? В самом деле, слова генерала звучат смешно из-за нелепой попытки смешать французский с русским, и, одновременно, трагично, поскольку выражают суть положения русского эмигранта, его беспомощное и, одновременно, бессмысленное устремление соединить свою русскую индивидуальность с иностранным контекстом. Другой известный сатирик-эмигрант, Дон Аминадо, вспоминал, что слова старого генерала из фельетона Тэффи стали пословицей, «постоянным рефреном эмигрантской жизни» (Дон Аминадо 1954: 258). Если в «Ке фер?» слышится определенная насмешка над самоуверенным Чернышевским с его «Что делать?», то в перевернутом «Фер-то ке?» звучит растерянность эмигрантов, которые надеются на возвращение и живут только ожиданием этой минуты. В большинстве случаев возвращение так и остается иллюзией этих людей, и их «дневники ненаписанные» свидетельствуют о смене настроений и постепенном разочаровании (Тэффи 1989: 154). Попав в Париж, никто не спешит обустроиваться, напротив, живут в гостиницах, едят в ресторанах, теша себя надеждой, основанной на словах «какого-то инженера», только что приехавшего из России, что «большевизм и до весны не дотянет» (Там же: 155). Через год они уверяют, что «в окрестностях Парижа воздух гораздо лучше» (Там же: 156). Переселяются на окраину в меблированные комнаты и обнаруживают, что «если подоспеть к закрытию магазина *Poten*, то можно [...] подбирать выбрасываемую зелень и варить чудесный суп» (Там же). У Тэффи с самого начала не было иллюзий: она не разделяла надежд своих героев на скорое возвращение в Россию, хотя мы уверены, что и она, «крутя шей и тыча пальцем в созвездие Ориона», пыталась, как все русские, отыскать в ночном звёздном небе над Эйфелевой башней Большую Медведицу, страдала от одиночества и вспоминала Россию.⁹

В среде эмигрантского Парижа двадцатых годов Тэффи сразу же находит своё место: Дон Аминадо вспоминает, что рядом с теми, кто приехал всего на месяц позже неё, она чувствовала себя коренной парижанкой, так что её небольшой номер в гостинице неподалеку от церкви Мадлен стал настоящим литературным центром

8 «Ке фер?», *Последние новости*, 27 апр. 1920, с. 2 (переизд. в сборнике *Рысь*, Берлин, 1923). После публикации в парижской газете, этот рассказ был перепечатан «Правдой» и «с того весеннего дня двадцатого года пошло гулять по Москве советской вот это генеральское недоумение: “Ке фер? Фер-то ке?...” – и кто-то шутил, что товарищи разделяются на *кеферов* и *фертоков*...» (Виноградская 1962: 8).

9 См. рассказ Тэффи «Башня» (1989: 150-154), а также: И. Бунин, «Об Эйфелевой башне» (1921: 2); оба автора обращают внимание на радиоантенны башни, которые дают возможность говорить с тем, кто так далеко и к кому так стремится душа.

(Дон Аминадо 1954: 257). Тэффи была не только одним из самых любимых писателей русской эмиграции, но и лидером эмигрантской колонии в Париже. Она - завсегдатай литературного салона Мережковского и Гиппиус «Зелёная лампа», член различных обществ и фондов, одна из организаторов «Дней русской культуры», так называемых франко-русских бесед о русской душе. С 1920 по 1940 год ни один другой писатель, наверное, не имел такой популярности в эмигрантской среде, как Тэффи. В изгнании она переживает период небывалой творческой активности: все эмигрантские издательства, газеты и журналы печатают её произведения, которые неизменно пользуются большим успехом как у читателей, так и у критиков. Не переставая выступать с еженедельными публикациями в периодических изданиях, Тэффи перепечатывает все свои сочинения, опубликованные до этого в России, издает восемь книг новых рассказов, составляет наиболее полное собрание своих стихотворений (*Passiflora*), пишет повесть (*Предел*), роман (*Авантюрный роман*), воспоминания, пьесы; ей принадлежат также наброски киносценариев, либретто оперетты, путевые заметки, шуточные песни и скетчи, рецензии, эссе.¹⁰

Отъезд Тэффи из России можно рассматривать как рубеж в её творчестве: несмотря на то, что она старается подчеркнуть, будто ни мир, ни человек, ни она сама не изменились, герои и тематика её рассказов подтверждают, что в её творчестве начался новый этап. Теперь темой произведений Тэффи становится жизнь русских эмигрантов, она фокусирует своё внимание на проблемах изгнания. Тэффи уверена, что русская литература способна продолжить своё существование и в эмиграции при условии, если она сможет осознать свою роль. Изгнание обостряет чувство родины, придавая первостепенное значение памяти. Тэффи не чувствует разрыва с Россией, все её мысли прикованы к ней, и даже в своих эмигрантских рассказах она ощущает потребность «вспоминать» и «напоминать» о прошлом - значит, чувствует, что прошлое забывается.

В русском языке, как и в древнегреческом, существуют два разных слова для обозначения смысла «приводить на память»: одно слово *напоминать*, соответствует по значению древнегреческому

10 Издания, полностью или в основном состоящие из произведений, опубликованных в России до эмиграции: *Тихая заводь* (Париж, 1921); *Черный ирис* (Стокгольм, 1921); *Восток и другие рассказы* (Шанхай, 1920); *Сокровище земли* (Берлин, 1921); *Стамбул и солнце* (Берлин, 1921); *Так жили* (Стокгольм, 1922).

Сборники рассказов эмигрантского периода, опубликованные Тэффи в двадцатые - тридцатые годы: *Рысь* (Берлин, 1923); *Вечерный день* (Прага, 1924); *Городок* (Париж, 1927); *Всё о любви* (Париж, б. г.); *Книга июнь* (Белград, 1931); *Ведьма* (Берлин, 1936); *О нежности* (Париж, 1938); *Зигзаг* (Париж, 1939). Другие крупные произведения: *Passiflora* (Берлин, 1923); *Авантюрный роман* (Париж, 1932); Воспоминания (Париж, 1932); *Пьесы* (Париж, 1934). Среди опубликованного также: томик стихотворений, *Шамрам* (Берлин, 1923.) и маленькое собрание русских народных сказок для детей, *Баба-Яга: народная сказка* (Париж, 1932).

глаголу *mimnésko*, и другое *вспоминать* - древнегреческому глаголу *mnáomas* (Benveniste 1954, *цит. по*: Detienne 1967, гл. I). Именно здесь надо искать ключ к двум метафорическим направлениям памяти, на которые указывает Harald Weinrich, и которые также имеют греческие корни (1964: 23-26). Первый смысл соотносится с образом восковой дощечки, на котором «мы делаем оттиск того, что хотим запомнить» (Платон, Теэтет, 191 d, e); второй - с идеей памяти как сохранения ощущения (Платон, Филеб, 34 b).¹¹ По существу - это два взаимодополняющих друг друга аспекта, которые составляют логическое единство памяти, поскольку «вспоминание» – выбор сохраненного ощущения - обычно предшествует «напоминанию» – иными словами, осуществляемому литературой процессу передачи памяти через функцию письма. Именно это мы можем наблюдать у Тэффи периода эмиграции, в рассказах которой преобладает реминисценция, понимаемая не как тяготеющее к копированию воспроизведение, но как динамическая модель, реконструирующая факты и ситуации с учетом их изменения на основании нового опыта, вызванного внешними обстоятельствами.¹² Воспоминание, таким образом, принимает интерпретативный характер: обращаясь к прошлому, к тому, что происходило с ними когда-то в России, персонажи рассказов Тэффи никогда не вспоминают о каких-либо важных событиях, но всегда о мелочах, о деталях, связанных с предшествующим опытом. Отсутствие в Париже природных сезонов, наблюдение, что «в Париже в феврале носят соломенные шляпы, а в июле – бархатные», вызывает воспоминания о сборах перед переездом летом на дачу (Тэффи 1989: 164-167). Мягкое бесснежное парижское Рождество - вызывает воспоминание о рождественских морозах в России, когда «снегу выше пояса, да ворона на лету мерзнет» (Тэффи 1989: 184-187).

Не случайно среди произведений Тэффи так много автобиографических вещей, и не случайно самая излюбленная её тема – воспоминания о счастливом детстве, которое видится ей через призму ностальгии, не оставляющей ее на чужбине.¹³ Один из любимых персонажей Тэффи, неподвластный времени образ, и в Париже связывающий писательницу с Россией – старая нянька. Она нежная и тихая, как Катерина Петровна с ее «вышитыми воротничками» в одном из самых лирических рассказов Тэффи, строгая и сердитая, как в рассказе «Ностальгия» (Тэффи 2000: т. 4, 47). В обоих рассказах она воплощает в себе все лучшее, что было и осталось в России,

11 Нельзя в связи с этим не вспомнить знаменитое стихотворение О. Мандельштама *Грифельная ода* (1923), построенное на контрасте разрушительных и созидательных элементов, где необратимости времени противопоставлена нетленность подлинного искусства.

12 О динамической природе памяти см. знаменитое исследование F. Bartlett, *Remembering* (1962), а также эссе Ю. Апресяна *Экспериментальное исследование семантики русского глагола* (1967: 5-35).

13 См., среди других, рассказ «И времени не стало», из сборника *Земная радуга*, 1952 (Тэффи, 2001: т. 7, 237-249).

чему суждено безвозвратно кануть в забвение: «Долго рассказывает о лесах, о полях, о монашенках, о соленых груздях, о чёрных тараканах, о крестном ходе с водосвятием, чтобы дождик был, зерно напоял» (Тэффи 1989: 163). Она не любит новых порядков, умеет печь ватрушки и каждый вечер напечалится и потом «идёт в детскую, к ночным думкам, к старушьям снам – все о том же» (Там же).

В ностальгии сублимируется боль изгнания, вызванная не только разлукой с родиной, родным домом, утратой всего, что было дорого, но и отлучением от подлинной жизни, которую начинаешь особенно любить с того момента, когда её теряешь.

Приезжает наш беженец, изможденный, почерневший от голода и страха. Успокаивается, осматривается, как бы наладить новую жизнь, и вдруг гаснет, - пишет Тэффи в рассказе «Ностальгия» – Тускнеют глаза, опускаются вялые руки, вянет душа, обращенная на восток. Ни во что не верим, ничего не ждём, ничего не хотим. Умерли. Боялись смерти большевистской, и умерли смертью здесь (Там же: 161-162).

Ощущение отсутствия подлинной жизни, растерянное «Ке фер?» бедняги-генерала, добавляется к потоку неразрешимых противоречий эпохи, отчего жизнь превращается в физическое существование, и приходит осознание того, что такая жизнь не имеет никакого смысла. Персонажи Тэффи не способны жить; они словно погрузились в неожиданно разверзшуюся перед ними метафизическую пустоту, где отсутствует привычный порядок вещей, отсутствуют чувства. Тэффи высмеивает и, одновременно, оплакивает своих соотечественников – растерявшихся, опустившихся, так и не сумевших приспособиться к жизни в предвоенном Париже. Григорий Петрович, бывший капитан русской армии теряет одну работу за другой из-за избытка усердия и собственной наивности (Там же: 174-178). Простодушные, сохранившие веру в людей супруги Угаровы, у которых крадут все их сбережения, являются частью сообщества с расплывчатыми контурами, которое живет одним днём, вне времени и пространства, в состоянии вечной временности (Там же: 163-168). Тэффи представляет себе это общество как замкнутый город на реке Сене и описывает его в своей самой известной, если не самой лучшей, книге, *Городок*, опубликованной в 1927 году. На обложке первого издания изображен самовар на фоне Эйфелевой башни и сразу становится понятно, что это действительно «хроника», как указывает подзаголовок, из жизни «русского эмигрантского Парижа, государства в государстве, небольшого «анклава» в столице мира» (Струве 1984: 112). Одноименное название носит и рассказ, открывающий сборник, в котором описывается русская колония в Париже - странный, зачастую, очень бедный мир:

Это был небольшой город – жителей в нём было тысяч сорок, одна церковь и непомерное количество трактиров [...]. Жило население ску-

ченно [...]. Молодёжь большею частью извозом – служила шоферами. Люди зрелого возраста содержали трактиры или служили в этих трактирах [...] (Тэффи 1989: 152-153).

Сборник состоит из коротких рассказов, миниатюр, в каждой из которых – написанная с мягкой иронией столь же короткая история, срез жизни оторванных от своих корней людей, которых объединяют поиски «отечества», скорее в духовном, чем в физическом смысле. Все эти отдельные миниатюры превращаются «в точно бы главки чего-то одного большого» (Б. Зайцев, «Современные записки.» No. 34, 1928, с. 498. Цит. по Михайлов 1999: 34). Они создают, по определению Дона Аминадо настоящую летопись «по которой можно безошибочно восстановить беженскую эпопею» (Дон Аминадо 1954: 257). Тэффи описывает новый русско-французский быт эмигрантов, жалкий и пошлый, их попытки достичь европейского уровня жизни: если раньше герои Тэффи питали надежду на скорое возвращение домой, то теперь они ищут своё место в новом мире. В действительности же они тратят свою жизнь, как Андрей Николаевич Кормятов, *le tendre André* из рассказа «Две встречи», слоняясь по городу и повторяя: «Работать надо. Строить молодую Россию» (Тэффи 1989: 154). Или умирают молодыми, решившись на последний шаг – самоубийство, как Костя, герой «Майского жука» (Там же: 212-217).

Кто же они, обитатели *Городка*? Вечно голодные, озабоченные тем, где бы одолжить денег, непрактичные, но зато словоохотливые, любят творог и долгие разговоры по телефону, никогда не смеются и могут быть очень злыми. Умеют извернуться и довольствоваться тем, что имеют, как молодой герой «Чудесной жизни», прикрепивший к своей двери табличку с надписью: «*André d'Ivanoff, artiste de musique*» (Там же: 202-205). или как миниатюрная, маленькая Дэзи, которая вяжет несусветные джемперы в тщетной надежде продать их французам (Там же: 221-223).

Общество *Городка* разделено на женщин и мужчин: в то время как мужчины одалживали друг у друга деньги, «женщины шили друг другу платья и делали шляпки» (Там же: 153). В своих эмигрантских рассказах Тэффи возвращается к одной из своих любимых еще в России тем – к теме женщины. Героини русского Парижа Тэффи принадлежат к одному и тому же типу: они не способны на глубокие чувства, поверхностны, болтливы. Одни из них работают портнихами, другие шьют у них платья. Когда эти женщины встречаются, то разговор по большей части заходит о распродаже в каком-нибудь известном магазине перчаток или о том, как плохо кормят в маленьких ресторанах (Тэффи 1951: 68-75). На самом деле они, как и все остальные, потеряли себя: какой теперь толк в том, что Анна Степановна посещала на родине акушерские курсы, если в *Городке* даже «профессора в цыганские хоры поступили?» (Тэффи 1989: 210). Они страдают от тоски по родине, но на людях

это скрывают: на людях прошлое забывается. В разговорах «самое модное слово – “сырьё”. Жили-жили, творили, работали а вышло одно сырьё [...]. О себе молчим» (Тэффи 1989: 168). “Ле руссы” - как называют их французы - перестали говорить о русском искусстве, русской литературе, «даже о Толстом и Достоевском [упоминают] всё реже и реже» (Тэффи 1989: 167).

«Кроме мужчин и женщин население городишка состояло из министров и генералов», которые в основном занимались мемуарами» (Тэффи 1989: 153). Одиночество – доминанта их существования: целыми днями они сидят одни в нанятых комнатах и ждут почты, хотя ни разу ни от кого не получили ни одного письма, почти забыв, «что здесь Франция» (Тэффи 1989: 220).

Все русские, живущие на берегах Сены, - «усталые, незаметно стареющие, одинокие» (Седых, цит. по: Михайлов 2011: 167-168). Усталость, которой охвачены все, экзистенциальна, она ощущается даже в авторской манере – прерывистой, сухой, без длинных периодов.

Тэффи рисует беспощадную картину, которая, с одной стороны, напоминает *Историю одного города* Салтыкова-Щедрина (хотя у Тэффи мы найдем не столько щедринский сарказм, сколько иронию, когда горькую, когда грустную), а с другой – близка к тому, как в те же годы Зощенко описывает «новых людей», появившихся в это время в Советском Союзе. Мы видим ту же неспособность жить в гармонии с окружающим миром – новым и для них чужим. Видение мира сотнями персонажей, выведенных в рассказах Тэффи, в сущности, не особенно отличается от того, которое было присуще большинству людей в период символизма, когда Тэффи формировалась в России как писатель: это дуалистическое видение мира, согласно которому земное существование расценивается как пустое, бесполезное, мертвое, в то время, как “подлинная реальность” всегда не здесь. От понимания этого случается “Великая Печаль” (с большой буквой), описанная в рассказе «Сырьё»: «Всё старое, всё похожее на прежнее. Новое и непохожее только Она» (Тэффи 1989: 167). Коварная, она навещает тебя неожиданно, когда ты её меньше всего ждёшь, и вдруг «[погашает] глаза и [опускает] углы рта» (Там же). И сама Тэффи, несмотря на закрепившуюся за ней славу писателя юмориста, не смогла избежать приливов “Великой Печали”: Ирина Одоевцева рассказывает, как в разговоре с ней Тэффи призналась, что её душа промокла от «невыплаканных» слёз: «Снаружи у меня смех, “великая сушь”, как было написано на старых барометрах, а внутри сплошное болото, не душа, а сплошное болото». (Одоевцева 1994: 323).

Последние годы своей жизни Тэффи страдает от болезней и одиночества, терпит нужду. Она пережила войну, но теперь это уже

старая, бедная, серьёзно больная женщина (Седых 1963: 212).¹⁴ Однако и в трудные минуты горький юмор не оставляет Тэффи, о чём свидетельствуют её последние письма: «Все мои сверстники умирают, а я всё чего-то живу. Словно сижу на приёме у дантиста, он вызывает пациентов, явно путая очередь, а мне неловко сказать. и сижу усталая, злая...» (Там же: 212).

Её ожидание закончилось 6 октября 1952. Незадолго до кончины она говорила: «Принадлежу я к чеховской школе, а своим идеалом считаю Мопассана. Люблю я Петербург, любила очень Гумилёва, хороший был и поэт, и человек. Лучший период моего творчества был всё же в России» (цит. по: Трубилова 1997: 639).

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

- Bethea, David M. "Emigration and Heritage." *The Slavic and East European Journal*, vol. 31, Thirtieth Anniversary Issue, 1987, pp. 141–164. www.jstor.org/stable/307984. Accessed 10 Apr. 2017.
- Klein-Gousseff Catherine. *L'exil russe : la fabrication de réfugié apatride (1920-1939)*. Paris CNRS Éditions, 2008.
- Livak, Leonid. *Russian Émigrés in the Intellectual and Literary Life of Interwar France: A Bibliographical Essay*. McGill-Queen's University Press, 2010. <http://www.jstor.org/stable/j.ctt1q6054>. Accessed 4 May 2017.
- Pachmuss, Temira. "Women Writers in Russian Decadence." *Journal of Contemporary History*, vol. 17, No. 1, 1982, pp. 111–136. www.jstor.org/stable/260447. Accessed 3 Febr. 2017.
- Schakovskoy, Zinaïda. "Russian Montparnasse." *The Russian Review*, vol. 31, No. 4, 1972, pp. 360–368. www.jstor.org/stable/127935. Accessed 4 May 2017.
- Haber, Edythe Charlotte. "Fashioning Life: Tefi and Women's Humor." *Reflective Laughter: Aspects of Humor in Russian Culture* (ed. Lesley Milne). Anthem Press, 2004, pp. 63-71.
- Starostina, Natalia. "Nostalgia and the Myth of the Belle Époque in Franco-Russian Literature (1920s-1960s)." *Historical Reflections / Réflexions Historiques*, vol. 39, No. 3, 2013, pp. 26–40. www.jstor.org/stable/42703769. Accessed 10 Apr. 2017.

---

¹⁴ Лучшее свидетельство последнего периода жизни Тэффи принадлежит ей самой: это письма другу Андрею Седых (1963:191-213).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Тэффи, Надежда. “На скале Гергесинской.” *Грядущий день*, по. 1, 1919, с. 32-34.
- . “Псевдоним.” *Возрождение*, 20-12-1930, с. 2.
- . “Ассоциации.” *Дело*, т. 1, по. 2, 1951, с. 68-75.
- . *Ностальгия. Рассказы. Воспоминания*. Художественная литература, 1989.
- . *Собрание сочинений*. Лаком, 1997-2001, тт. 1-7.
- Агеносов, Владимир. *Литература русского зарубежья*. Терра, 1998.
- Адамович, Георгий. *Одиночество и свобода*. Изд. им. Чехова, 1952 (ре-принт: Республика, 1996).
- Алданов, Марк. “Тэффи. *Passiflora*.” *Современные записки*, по. 17, 1923, с. 485-486.
- Апресьян, Юрий. *Экспериментальное исследование семантики русского глагола*. Наука, 1967.
- Брюсов, Валерий. *Далекие и близкие*. Скорпион, 1912.
- Бунин, Иван. “Об Эйфелевой башне.” *Общее дело*, 21-7-1921, с. 2
- Васютинская – Маркадэ, Валентина. “Надежда Александровна Тэффи. Из личных воспоминаний.” *Возрождение*, по. 131, 1962, с. 91-92.
- Виноградская, Софья. “Если подойдет...” *Огонёк*, по.18, 1962, с. 7-8.
- Дон Аминадо, *Поезд на третьем пути*. Изд. им. Чехова, 1954.
- Кранихфельд, Владимир. “Тэффи. Юмористические рассказы.” *Современный мир*, по. 9, 1910, с. 255.
- Лернер, Николай. “Тэффи. Дым без огня.” *Литературное и популярно-научное приложение “Нивы”*, по. 2, 1914, с. 459.
- Михайлов, Олег et al. *Творчество Н. А. Тэффи и русский литературный процесс первой половины XX века*. Наследие, 1999.
- . *От Мережковского до Бродского. Литература русского зарубежья*. Просвещение, 2001.
- Немирович-Данченко, Владимир. *На Кладбищах. Воспоминания*. Библиофил, 1921.
- Одоевцева, Ирина. “Встречи с Н. А. Тэффи.” *Русская мысль*, 21-11-1968, с. 8.
- . *Дальние берега*. Республика, 1994.
- Седых, Андрей. “Н. А. Тэффи в письмах.” *Воздушные пути. Альманах*, по. 3, 1963, с. 191-213.
- Струве, Глеб. *Русская литература в изгнании*. Имка-Пресс, 1984.
- Трубилова, Елена и Дмитрий Николаев. “Единственная, оригинальная, чудесная...”. Н. Тэффи, *Собрание сочинений*, т. 1: “И стало так...”. Лаком, 1997, с. 5-29.

- Трубилова, Елена. *Русское зарубежье. Золотая книга эмиграции*. РОС-СПЭН, 1997.
- Фидлер, Фёдор. *Первые литературные шаги. Автобиографии русских писателей*. Типография Т-ва И. Д. Сытина, 1911.
- Цетлин, Михаил. "Н. А. Тэффи." *Новый журнал*, no. 6, 1943, с. 384-386.
- Чеботаревская, Александра. "Тэффи. И стало так...Юмористические рассказы." *Новая жизнь*, no. 7, 1912, с. 255.
- Bartlett, Frederic. *Remembering: A study in experimental and social psychology*. Cambridge University Press, 1962.
- Benveniste, Emile. "Formes et sens de 'mnaomai'." *Festschrift A. Debrunner*. Berne, 1954.
- Detienne, Marcel. *Les maîtres de vérité dans la Grèce archaïque*. Maspero, 1967.
- Weinrich, Harald. "Typen der Gedächtnismetaphorik." *Archiv für Begriffsgeschichte*, No. 4, 1964, с. 23-26.

Нађа Каприоло

Тефи. Нејроливлене сузе

Резиме

Надежда Александровна Лохвицка (1872–1952), боље позната по књижевном имену Тефи, била је толико популарна у Русији, њеној отаџбини, да су чак слаткишима и парфемима давали име по њој. Нарочито је била хваљена због њеног хумора, који је служио као противотров узвишености њеног доба. Без обзира на све, она је 1918. напустила Русију, званично кренувши на читалачку турнеју по Украјини, али се са ње никада нија вратила. Упркос томе што је била вагрена револуционарка до 1917. године, она се осетила изгубљено током уздизања большевика, не успевши да пронађе своје место у Новој Русији. Настанила се у Паризу, где је постала један од најдрагоценијих аутора који су писали о руској постреволуционарној емиграцији као и представник руске заједнице у Паризу.

У овом есеју истражујемо Тефину живу књижевну активност током емиграцијског периода, обративши пажњу на тему егзила, са посебним нагласком на њено најпознатије дело *Городок* (1927), његове искорењене карактере, и њихову потрагу за „домом“.

У студији анализирамо теме сећања и носталгије у Тефиним причама, следећи два метафорична схватања сећања која помиње Харалд Вајнрих. Оба концепта имају грчко порекло: први рачуна на слику табле од воска у коју се чињенице сећања уписују када „желимо да запамтимо било шта што видимо или чујемо или помислимо у нашим умовима“ (Платон, *Теетет*, 191d); други је повезан са идејом сећања као способношћу призивања – „када душа остане сама, одвојена од тела, призива било које искуство које је имала када је била

једно са телом“ (Платон, *Филеб*, 34). Тефине приче из емиграције показују како сећање не само што понавља чињенице, оно их реконструише са накнадним увиђањем, заснованим на накнадним искуствима која долазе споља. Одатле, за писца, процес сећања и памћења подразумева реинтерпретацију догађаја. Сећања Тефиних јунака на њихов претходни живот у Русији нису изазвана пресудним тренуцима већ малим детаљима који их подсећају на ранија искуства. Изгнанство јача њихову осетљивост на теме везане за Русију и увећава улогу сећања. Ликови никада нису направили раскид са Русијом: њихова отаџбина им је стално у мислима. У њеним причама, Тефи осећа неопходност оба призивања – „вспомињати“ (памћење) и „напомињати“ (подсећање) – прошлости, плашећи се да би она могла бити заборављена. Резултат је поглед на свет сличан ономе који је преовладавао током њеног формирања у Русији, у време симболизма: то је визија дуалног света у коме се земаљска егзистенција појављује као празна и бесмислена док је „права стварност“ негде другде. Из овог осећања проистиче „Велика туга“ и немогућност да се живи у хармонији са околином која нас окружује. Оба су типичне појаве код Тефи и њених ликова.

Кључне речи: Тефи, Надежда Александровна Лохвицка, руска емиграција, руска дијаспора у Паризу, сећање, носталгија, комика.